

ПРОЕКТ

«ПУТИН»

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ИМИТАТОРЫ

ИЛЛЮЗИЯ

«ВЕЛИКОЙ РОССИИ»

Андрей Владимирович Колесников
ООО «Кремль». Трест, который лопнет
Серия «Власть без мозгов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11950870
ООО «Кремль». Трест, который лопнет / Андрей Колесников: Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-906798-41-1

Аннотация

Автор этой книги Андрей Колесников – бывший шеф-редактор «Новой газеты», колумнист ряда изданий, автор ряда популярных книг, в том числе «Спичрайтеры» (премия Федерального агентства по печати), «Анатолий Чубайс. Биография», «Холодная война на льду» и т.д.

В своей новой книге Андрей Колесников показывает, на каких принципах строится деятельность «Общества с ограниченной ответственностью «Кремль». Монополия на власть, лидирующее положение во всех областях жизни, списывание своих убытков за счет народа – все это было и раньше, но за год, что прошел с момента взятия Крыма, в деятельности ООО «Кремль» произошли серьезные изменения. Наряду с растущими агрессией, недоверием ко всем «не-нашим», со стремлением к силовым методам в управлении, в ООО «Кремль» идут процессы «поперек мировых трендов», губительные для самого этого общества, пишет автор и подробно рассказывает, какие именно.

В итоге, как бы ни старались кремлевские специалисты по пропаганде, ООО «Кремль» неминуемо лопнет, утверждает он и приводит целый ряд признаков грядущего краха.

Содержание

Trust, который лопнет	4
Импичментизация страны	4
Бремя имперского человека	6
Крым – это нормально	8
Товарищество на хрупком доверии	10
Партия ренты	12
Тороватое решение	14
Духовные скрипы	16
Trust, который лопнет	18
Свободный коридор для фашистов	20
Наука побеждать Америку	23
Единство в однообразии	25
На чем завершается Родина	25
Единство в однообразии	27
Уповая на Бога и его наместника	29
Право на Россию	31
История России удалась	34
Все ради вас	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Колесников ООО «Кремль». Трест, который лопнет

Trust, который лопнет

Импичментизация страны

Кончина легендарного журналиста Дэвида Фроста, известного широкой публике по отменному фильму Рона Ховарда «Фрост против Никсона», заставила вспомнить фразу, сказанную Ричардом Никсоном в ходе многочасового интервью тележурналисту в 1977 году: «Никсон: Ну, если президент делает что-то, это означает, что все законно. Фрост: По определению. Никсон: Точно. Точно...»

Именно эта убежденность Никсона в собственной правоте и привела его к всеобщему публичному осуждению и импичменту. Кончилось все тем, что он попросил у нации прощения – за все эти прослушки, вторжения в частную и политическую жизнь, за все то, что называлось Huston Plan (по имени советника Белого дома Тома Хастона), за все то, что затевалось ради «национальной безопасности». Потому что все, что сам президент считал значимым с точки зрения национальной безопасности для себя, он считал значимым для американского народа. В этом контексте он вполне мог бы повторить: «Государство – это я».

Но Никсон оказался в неправильном месте в неправильное время. Место – Соединенные Штаты, иронизируй – не иронизируй, а оплот демократии, и не только процедурной. Время – раскрепощение демократической энергии по всему миру, антивоенное движение, окончание вьетнамской войны, символа ошибок нескольких поколений американских президентов.

И Никсон – монстр, не желавший на деле ничего менять, вдруг стал персонифицированным символом разрядки. Как примитивный персонаж примитивной истории, про которого шутили, что это у него не волосы волнистые, а голова волнистая. Как человек, который, будучи антисемитом, в дни импичмента просил своего госсекретаря Генри Киссинджера помолиться вместе с ним. Как антикоммунист, наладивший такие отношения с Советами, которые и Кеннеди не снились. Как романтик, ставший жестким прагматиком.

Он считал, что если нарушит закон или обыкновения здравого смысла, которые в Америке зачастую одно и то же, то сделает это во благо нации или ее безопасности. А законы – подождут. В этом смысле он пошел против системы, против обычаев, против законов, против институтов, которые, как выяснилось, все еще работают. Он стал адептом ручного управления в стране, где все управляется институтами. Институты ответили ему импичментом. Нарушение этики не было прощено. Поскольку в этой системе нарушение этики – это нарушение правил, а нарушение правил – это нарушение работы институтов.

В принципе, все произошло автоматически, могло и не понадобиться вмешательства человеческого фактора. Публикации в The New York Times документов, разоблачавших вьетнамскую войну, а затем материалов Боба Вудворда и Карла Бернштейна в Washington Post, внешне были действиями людей (по первому поводу даже состоялось решение Верховного суда США), а в реальности оказались действиями институтов – свободной прессы и независимой судебной системы.

Демократия срабатывала на автомате. Институты работали, как исправная система с фотоэлементом. Человек, нарушивший правила и, по сути, «инструкцию» функционирования президента, был автоматически выброшен системой.

Сегодня у нас в России управление тоже осуществляется опытным путем, на ощупь. В Конституцию у нас давно никто не заглядывал, а человек, принимавший участие в ее написании, отчитывается перед пресс-секретарем президента как мальчишка за то, что нарушил не институциональные правила, а неясные обыкновения бюрократии (Сергей Шахрай, сообщивший, что в Счетной палате на смену Сергею Степашину идет Татьяна Голикова, получил жесткую отповедь пресс-офицера). Институты, в том числе прописанные в Конституции, – правительство, парламент, суды, СМИ – дремлют, а менеджмент осуществляется методом пожатия «рук» тюленям, ловлей щук, целованием мальчиков, разборками на совещаниях – вживую или по видеосвязи.

Только это не сбой в системе, не сломанный автомат, не потерявший программу институт – это и есть суть работы системы. В ней и в самом деле все решает первое лицо («по определению... точно, точно...»), его усмотрение, его прихоть. Институт, любой институт, работает, как пишется в бюрократических бумагах, «по согласованию». Чтобы запустить в действие автомат с газированной водой, надо даже не стукнуть по нему кулаком, а попросить разрешения президента. И то, если согласовал один высший чиновник, а другой об этом согласовании ничего не знает, автомат может и не быть запущен в действие. И уж если первое лицо что-то нарушает, если оно задумало запуск серии репрессивных законов, остановить его не могут ни правительство, ни парламент, ни суд, ни пресса. Ни один из спящих институтов, в теории отделенных один от другого системой сдержек и противовесов.

Потому что в такой системе усмотрение первого лица и есть один-единственный институт, который, правда, работает не системно, не автоматически, а как бог на душу положит.

В такой системе тот же импичмент первому лицу невозможен. Скорее, первое лицо само вынесет импичмент. Если понадобится – всей элите, а если сильно понадобится – то и всей нации.

2013 г.

Бремя имперского человека

Как Редьярд Киплинг осознавал «бремя белого человека» («Неси это гордое Бремя — Воюй за чужой покой»), так и президент Российской Федерации несет на себе «бремя имперского человека». Это своего рода миссия. И в этой логике попытка присоединения части «исторической Руси», земель Восточной Украины, к России — вполне возможный сценарий.

А попутно можно решить еще целый ряд задач: мобилизация населения России вокруг идеи защиты русских на Украине, расправа с пятой колонной в стране, формирование образа внешнего (Запад) и внутреннего (либеральный хипстер-интеллигент, креакл, борец за права меньшинств) врага, окончательное утверждение ультраконсервативных ценностей в границах триады графа Уварова в качестве государственной идеологии. К тому же Украина — предмет особого внимания власти. Без нее воображаемая империя — не империя.

Права русских по-настоящему, а не так, как на Украине, нарушались в том же Туркменистане. Но никто и не думал вводить туда войска. Потому что, как выразился один коллега, там — газ. И там — китайцы, а это вам не Обама.

Россия — колониальная держава, только колониальная администрация действует избирательно и не суется туда, где ей могут дать по рукам, по пробковой шапке-ушанке. Или по карманам...

Когда в 1968-м вводили в танки в Чехословакию, внешне пеклись о чистоте марксистского учения, а на деле — о единстве империи, в которой официальный марксизм был лишь одной из скреп, как сейчас — официальное православие. Поэтому логика брежневского Политбюро схожа с логикой политбюро нынешнего.

Поэтому столь пугающим кажется трогательное единство элит: ни одного голоса против, гробовое молчание, прерываемое таким подхалимажем по отношению к первому лицу, что даже товарищ Сталин насторожился бы, приостановив свое движение в мягких кавказских сапогах по паркету.

Замороженность на зонах влияния, акцент на территориальных приобретениях и потерях в постиндустриальную эру кажутся безнадежно устаревшими. Время империй прошло, их место теперь занимает «мягкая сила». Побеждают маленькие и динамичные страны, где портрет правителя, по выражению Набокова, не превышает размера почтовой марки, а вместо имперской площади, украшенной охраняемым трупом, огламуренным катком и магазином с нигде более в природе не существующими ценами, — приветливая ратушная площадь.

Но империя, живущая в голове первого лица, пребывает еще в индустриальной эпохе, и она должна быть овеществлена в земле и людях. И с этим ничего поделать нельзя, особенно если никто из страха не говорит ни слова против. Даже несмотря на то, что почти каждого, кто в банях и частных беседах в «Боско кафе» клянет режим похлеще хипстеров, в зарубежье ждет своя асиенда Каса-дель-Корво с прекрасными майн-ридовскими креолками...

Путин по формуле Киплинга будет воевать «за чужой покой» (точнее, за то, что считается покоем) невзирая ни на что. Ни на угрозу внешней изоляции, ни на риск полного инвестиционного провала, ни на потери бизнеса, ни на падение рубля и прочие последствия, бьющие по простым гражданам, о которых эта власть так печется на словах. Больше того, эта власть убеждена, что все проблемы, возникшие в связи с украинским кризисом, рассосутся так же, как они исчезли, когда время затянуло моральные раны после грузинской кампании 2008 года. Что, Запад перестал с нами общаться? Ничего подобного. Проглотят и сейчас.

Что же до социальных последствий... Первое лицо не верит в то, что люди выйдут на улицу. И скорее всего, он прав: в ситуации затягивания поясов русский человек начинает искать новые способы выживания и адаптации к действительности, а не выходит протестовать.

Начальство вовсе не думает, что оно в чем-то ущемляет собственный электорат. Ну жахнет рубль. Ну инфляция вернется к двузначной цифре. Ну вместо вялого роста «околоноля» начнется спад. Не жили хорошо, и нечего начинать. В конце концов, можно снять министра экономики, с треском изгнать премьера.

Главное, чтобы народ сплотился вокруг лидера, за русскую империю и против, как выражается коллега Леонид Гозман, «жидобандеровцев». Для Путина это шанс: он считает, что тем самым создает русскую нацию, даже на зависть тем, кто когда-то сформировал «новую историческую общность – советский народ». Пусть это будет новая истерическая общность, лишь бы косоворотка сидела!

Что может остановить первое лицо? Что может остановить процесс сознательного движения к изоляции от мест летнего и зимнего отдыха продвинутых депутатов и чиновников, экономическому развалу с рублем, похожим на необъезженного мустанга, политическому бетонированию всех живых площадок? Надо отдавать себе отчет в том, что пока – ничто.

Растерянная фраза Меркель в разговоре с Обамой – у нее есть сомнения, что Владимир все еще на связи с реальностью (in touch with reality, по версии The New York Times), – тому доказательство. Никто не знает, что с этим делать, особенно на фоне того, что национал-патриотическая истерия таки удалась. В жанре августа 1914 года. И мало кого волнует, что это политическое самоубийство, хотя, возможно, и растянутое во времени.

После 1914-го наступает 1917-й, после 1968-го – 1985-й. Это законы истории, stupid...
2014 г.

Крым – это нормально

Рано или поздно персоналистский режим приходит если не к войне, то к идее войны. Это и способ мобилизации населения, и метод сплочения граждан вокруг лидера. Технология укрепления и удержания власти, невзирая на сопутствующие трудности в виде международной изоляции (Запад проглотил грузинскую интервенцию, побуянит и успокоится) и экономических проблем (справились даже в 1990-е с чеченской войной, и уж тем более справимся сейчас).

Словом, мощнейшая духовная скрепа, естественная, органичная, технологичная. Националистичная, автаркичная, империалистичная, не хуже официозного православия.

Это результат естественной эволюции режима. Он начинался с упований на либерального Пиночета. Затем эволюционировал в сторону советского гимна («мы с народом ошибаемся»), равноудаления и дидактически-нравоучительной посадки Михаила Ходорковского. Потом – в сторону nepoтизма, огосударствления экономики, формирования наследственной «вельветовой» диктатуры, системы, где власть и собственность слиты воедино. После того как операция «Преемник» была признана неудачной – в сторону окончательно оформленного авторитарного государства с имитационными институтами демократии, профанным парламентом, перераспределением вотчин и балансированием власти между духовно и служебно близкими кланами, сосуществующими благодаря ручному управлению.

Получился режим, держащийся на страхе (дрессированные элиты, боящиеся слово молвить и сделать неверный шаг) и подкупе (элиты платят лидеру, лидер перераспределяет доходы в пользу широкого избирателя – пока эти доходы в принципе есть, разумеется). Вяло бредут рядом элиты-попутчики – служивые либералы, балансирующие бюджет и денежно-кредитную политику, всячески зажимающие носы, когда речь идет о политике, а также карьерные дипломаты с идеально раздвоенным сознанием, позволяющим одновременно вести кухонные диссидентские разговоры, и с городом и миром беседовать на языке МИДа времен Молотова и Громыко.

Попутчики обслуживают интересы мейнстримовского православно-имперско-чекистского клана. И лично первого лица, которое заменило в стране все институты, оставшись одним-единственным институтом, рулящим в режиме ручного управления и перераспределяющим блага в пользу электората системы «уралвагонзавод».

Это, в терминах исследователя диктатур Брюса Буэно де Мескиты – не электорат, а селекторат. Тот круг людей, которые реально избирают лидера. И держатся у власти благодаря его воле и исполнению его поручений. Здесь и политическая элита, и ближний круг, и олигархи. По определению того же де Мескиты: «Коррупция дает власть, абсолютная коррупция дает абсолютную власть». Коррупция здесь понимается в широком смысле – как обмен внутри своего круга благами, креслами, услугами, коммуникационными возможностями.

Попутно избирается путь жесткого подавления любой оппозиции, кроме официальной. А цена квазиоппозиции стала понятной во время наступившего крымского кризиса – все в едином порыве «за» решения руководства.

И тем не менее, как говорилось в одном известном произведении, «и примешь ты смерть от коня своего». Элиты, которые уже не способны отличить свою собственность от государственной власти и свою власть от чужой собственности, все равно бывают разные. Одни кланы довольны ситуацией, когда все решается по усмотрению первого лица, другие, напротив, не слишком удовлетворены вечной непредсказуемостью.

В работе Милана Сволика из Университета Иллинойса «Политика авторитарного правления» выделяются две проблемы авторитаризма. Первая – удержание авторитарного кон-

троля. Тут все понятно: дави, подкупай и покупай, чтобы не было вот этого Оссигу. Вторая – авторитарное разделение власти. В условиях отсутствия реального разделения властей речь идет о перераспределении влияния внутри элит. И хотя их сковывает страх, они могут быть недовольны распределением политико-аппаратных весов, масштабами неформальных «сборов» и навешиваемых «социальных обязательств». Милан Своллик приводит любопытную историческую статистику по 316 авторитарным лидерам (с 1946 по 2008 год), согласно которой восстания, конечно, играют большую роль в «неконституционных» методах устранения автократов (32 случая). Но в 2/3 случаев (205 казусов такого рода) первые лица были смещены «инсайдерами режима», то есть в результате заговора элит. И удаление Никиты Хрущева – лишь один из таких поучительных кейсов.

Если в сегодняшней России и зрел такой заговор элит, то его конструкция подпорчена крымским кризисом. И вот почему. Единодушие, с которым все российские элиты поддерживают уже, по сути, состоявшееся решение президента России о присоединении Крыма, связано со стремлением оседлать патриотическую волну. Лучше уж подниматься на этой волне со всеми лодками, чем идти против течения: при таком приливе могут и утопить. Истерия и страх движут политиками, финансистами, ближним кругом, идеологической обслугой. Они хотят быть со своим народом там, где он, к несчастью, был, как сказала Ахматова, правда, по другому, хотя и близкому поводу.

Российский империализм развивается по законам выделения вотчин вассалам – «стационарным бандитам». Как на кормление кадыровцам отдана Чечня, лишь бы лояльность проявляли, точно так же и Крым с его безупречным руководством со скошенными от вечного вранья глазами будет передан верным слугам Москвы, но опять-таки за деньги.

Скоро лозунг «Хватит кормить Крым!» станет столь же популярным, как и «Хватит кормить Кавказ!».

Это крайне расточительная политика. И это тоже результат эволюции режима от либерального пиночетизма к чекистскому госкапитализму и империализму. Но генеральная линия не останавливается ни перед чем: ни перед внешнеполитическими издержками, ни перед предсказуемой экономической турбулентностью, ни перед социально-политическими последствиями. Ведь считается, что, во-первых, пострадавший по финансово-экономической части народ не пойдет на площади, а заведет свои «Жигули» и отправится на отхожий промысел и, во-вторых, степень сплочения вокруг лидера в связи с территориальными претензиями теперь такова, что никто против него и не собирается выступать.

Скорее наоборот: тем самым по-настоящему создается российский народ, как когда-то была сформирована методом сплочения на прочной марксистско-ленинской основе «новая историческая общность – советский народ».

Словом, как когда-то Берлинский и Карибский кризисы сплачивали советский народ перед лицом внешней угрозы, так и теперь Крымский кризис породил новую «симферопольско-севастопольскую скрепу».

Что позволило режиму войти в стадию устойчивой автократии. Можно было бы это явление назвать новой нормальностью. Если бы оно не было совершенно ненормальным для XXI века.

2014 г.

Товарищество на хрупком доверии

Парадоксы автократии по-русски. Доверие к первому лицу в российском государстве, по данным Левада-центра, растет вместе с позитивным отношением к нему («восхищение, симпатия, не могу сказать ничего плохого»). И в то же самое время увеличивается число респондентов социологов, которые считают, что Владимир Путин выражает интересы силовиков, олигархов, бюрократии, то есть тех страт, отношение к которым негативное.

Старая, как «русский мир», конструкция: хороший царь, плохие бояре. Точнее, даже так: хороший царь, опирающийся на плохих бояр и покрывающий их.

Почему так происходит? Потому что почти полтора десятилетия не было ротации власти, а Путин, по оценке россиян, «опытный политик». За такое время почему бы опыта и не набраться? Да и других политиков у нас для вас нет. Эта модель безотказно, как автомат Калашникова, работает уже много лет.

Главное – основной фактор, все последние годы работавший на положительный образ Владимира Путина, в еще большей степени укрепился: он «вернул России статус великой уважаемой державы».

Понятно, что уважаемой внутри страны, а не вне. Но для большинства населения это неважно. Наоборот: если внешний мир боится и возмущается, значит, уважает. Август 2010-го – 36 % опрошенных отмечают это положительное свойство президента, февраль 2013-го – столько же. Март 2014-го – колоссальный скачок до 51 %. Чем больше Крыма, тем прочнее статус «великой и уважаемой».

В чем хрупкость конструкции? Путин – не президент всех россиян, «согласных» и «несогласных».

Лишь 14 % считают, что он выражает интересы всех без исключения слоев населения (хотя этот показатель существенно вырос). Система ручного управления, внутри которой остается один работающий институт – президент, который сам себе парламент, правительство, СМИ и профсоюз, – приписывает все успехи одному человеку. Но и неудачи припишет ему же: 82 % считают, что Путин целиком несет ответственность «за проблемы, стоявшие перед страной во время его правления». А рейтинг доверия – это колеблемый треножник: он растет, но при этом очень далек от своих же пиковых значений, а до этого довольно существенно падал.

Действие крымской инъекции не бесконечно. И тогда для поддержания рейтинга придется совершать новые подвиги. Вопрос: какие? И какова будет их цена? В том числе для физического и экономического благосостояния россиян, проблемы которых, в основном социального свойства, как они признаются социологам, так и не решены. Кем не решены? Тем, кто взял всю ответственность на себя. А впереди – санкции, стагфляция, мобилизационная экономика, опора на собственные силы.

Психология осажденной крепости рождает патриотизм, только не позитивный и оптимистический, а негативный и пессимистический. Где больше истерии, чем разума, эмоций, а не рассудка.

Да, патриотическая волна развязала руки. Первое лицо отвязаннее говорит с миром и жестче ведет себя с теми, кто не согласен с его политикой. Его челядь бежит впереди паровоза, проявляя инициативу и принося верховному главнокомандующему дары, головы и скальпы врагов, сбившихся в пятую колонну, фактически приравненную к пленным немцам, которых проводили по улице Горького во время войны.

Но с кем останется патрон нации к концу своего срока? С каким ресурсом и качеством поддержки? С какой элитой? Поддакивающей ему во всем, но неэффективной и некачественной – от страха и сервильности? Внешне преданной, но внутренне нелояльной?

На выходе получается страна – этакое товарищество на доверии, где нет доверия.

Где не нужны обязательства друг перед другом, а только перед первым лицом. Где депутаты и чиновники подотчетны не народу – источнику власти, а верховному начальнику. Где нет правил, потому что они устанавливаются не раз и навсегда и легко изменяются в режиме ручного единоличного управления. Где, когда надо, попрекают Конституцией, а когда надо – севрюжиной с хреном.

Жизнеспособность такой конструкции с облупившимся тефлоном сомнительна. Можно поддерживать ее в рабочем состоянии с помощью консервативной идеологии. Но и переоценивать эффективность мозгопромывочного механизма системы «Россия-не-Европа» не стоит. Лишь 11 % россиян волнует «духовное возрождение России». Меркантильным и очень земным россиянам подавай экономический рост и борьбу с коррупцией (62 и 44 % соответственно).

Из всех в мире «духовностей» россиянин предпочитает продовольственную корзину. Кстати, сильно завязанную на импорт из отныне духовно чуждых стран.

Путин может оказаться заложником собственного высокого рейтинга. Да, это уже не рейтинг надежд и ожиданий. Это рейтинг приятной войны без единого выстрела и легкой победы в купальнике и ластах. Победы, пахнувшей морем, платанами, массандровскими винами и ласкающими слух топонимами – Партенит, Симеиз, Форос... Но решительно непонятно, как выбираться из западни международной изоляции, экономических проблем и диковато-архаичного сознания, измеряемого разными степенями глупости депутатских инициатив.

До следующих выборов еще долгих четыре года, которые нужно чем-то заполнить. И предъявить нации, этому товариществу на хрупком доверии, что-то не хуже Крыма и нечто побольше, чем «выполнение всех социальных обязательств».

Даже страшно подумать что.

2014 г.

Партия ренты

Недавно президент России напугал свою широкую, как чеховская степь, социально-электоральную базу проникновением в нашу страну зарубежной мягкой силы. Среди инструментов мягкой силы были помянуты недобрым словом «карманные неправительственные организации». Параллельно Министерство юстиции РФ принудительно занесло в список иностранных агентов ряд гражданских структур, включая общество «Мемориал».

Говорят, что когда родственники и друзья погибших в катастрофе Boeing звонят по их телефонам, на том конце провода они слышат русское или украинское приветливое «Але». Это простое мародерство. А есть мародерство историческое. Именно так я бы квалифицировал акт причисления «Мемориала» к лику иностранных агентов.

Это бестактный плевок в память миллионов узников ГУЛАГа.

Правда, что высшему руководству, собственно, с этой памятью делать, если никакой электоральной ценности она сегодня не имеет. И кого волнует, что нынешняя власть тем самым приравняла себя к НКВД. Это нынче скорее достоинство, чем недостаток.

Владимир Путин, который смотрит на мир, как утверждает в давешней публикации журнал Newsweek, сквозь тусклое стекло трех папочек с ежедневной информацией ФСБ, СВР и ФСО, заявил, что последний и решительный бой с мягкой силой не означает закручивания «каких-то там гаек». Как говорила отцу Федору жена инженера Брунса у Ильфа и Петрова: «В моем доме, пожалуйста, не становитесь ни на какие колени». И не крутите какие-то там гайки...

Если каждый день смотреться в это информационное трюмо, которое на вопрос: «Свет мой зеркальце, скажи...» неизменно отвечает: «Всегда!», то действительно можно решить, что гайки вовсе и не закручены. На самом деле они уже завинчены до предела. В том числе и с точки зрения привинчивания отечественной истории к текущим пропагандистским задачам.

И свое монопольное положение в политике, экономике, истории, инженерии человеческих душ власть ощущает не как возможность для хотя бы какого-то диалога, а как «народный» мандат на подавление всего живого.

За ними – «народ». Это важный момент. Следующий логический шаг – поговорить о том, почему за ними «народ», который дает мандат в том числе и на расправу и надругательство над национальной памятью?

Широко известно даже школьникам, что высшие слои политических атмосфер сидят у нас на углеводородной ренте, щедро распределяя ее между собой и время от времени, особенно в период выборов, откупаясь от населения какими-нибудь социальными выплатами или майскими указами президента и их аналогами. Несколько лет назад такое явление называли социальным контрактом времен высокой сырьевой конъюнктуры. С тех пор конъюнктура так и осталась высокой.

Соответственно, наряду с получением ренты (rent seeking) и ее перераспределением органическим путем появилось такое явление, как просачивание ренты – rent dripping. Есть целая теория, согласно которой за счет падения со стола сильных мира сего крошек от распиленного на заносы и откаты национального пирога формируется средний класс.

Чтобы только обслужить одного rent-seeker с его замками и шубохранилищами, нужны десятки горничных, уборщиц, нянь, охранников, адвокатов, садовников, шоферов, сантехников, врачей, официантов, парикмахерш, массажистов, бухгалтеров, налоговых консультантов, инструкторов по сквошу, тренеров по хоккею, репетиторов по французскому... И все получают рабочие места и зарплаты.

Шубохранильщик тем самым делится рентой. Не говоря уже о том, что благотворительные, формальные налоговые выплаты, неформальные выплаты «на ремонт храмового ансамбля Кремля» и на откуп от населения тоже распределяются среди окормляемой официозным православием, крымским проектом и просто деньгами паствы, имеющей руки, чтобы голосовать, и глаза, чтобы смотреть телевизор.

Так рождается гигантский класс рентополучателей. А в политическом смысле – партия ренты. «Есть такая партия!» – как писал Вагрич Бахчанян. На этом держатся и властная пирамида, и движущийся к пику Коммунизма рейтинг первого лица.

Есть и психологический механизм столь масштабной поддержки нынешней власти. Назовем его политическим стокгольмским синдромом: если вас захватили в заложники, но дают достаточное количество риса и утверждают, что без них и рис исчезнет, и последние рисинки сожрет иностранный агент, а все выступления против будут жестоко караться, – хочется немного отдохнуть, перестать сопротивляться и уже получить хоть какое-то удовольствие. То есть слиться с режимом пусть в вялом, но экстазе. А тут еще санаторно-курортный бонус в лице Крыма появился...

Лучше стоять в стройных рядах последних солдат империи, пусть и символически, чем сидеть в лагере, как Удальцов с Развозжаевым и другими узниками Болотной.

На выходе мы имеем гремучий коктейль, состоящий из политико-экономическо-ментально-исторической монополии, синдрома осажденной крепости, международной экономической и политической изоляции и пародийной самоизоляции («Долой “Макдоналдсы”»!), персоналистского характера власти.

Но если вы уничтожили внутри любую фронду и даже добавили иностранных агентов, то в дальнейшем потенциальное снижение рентных поступлений и уменьшение масштабов просачивания ренты уже невозможно будет оправдать ничем, кроме собственных просчетов. Равно как и спасти положение за счет увеличения НДС, введения налога с продаж или выкачивания иностранному агенту многомиллионного штрафа за якобы налоговые нарушения.

И эффект консолидации «крымского большинства» может смениться эффектом его декомпозиции. Но все завязано на ренту: пока она есть, партия ренты будет стоять, как КПСС. На глиняных ногах. Но зато какой колосс...

2014 г.

Тороватое решение

Минюст спустя год после первого отказа так и не решился зарегистрировать Национально-демократическую партию Константина Крылова и Владимира Тора. Думается, не только потому, что отцы-основатели партии состояли в координационном совете оппозиции. Хотя и это наверняка сыграло свою роль.

Националистов наверху держат за своих. Только опять же привечают тех, кто делает карьеру на националистической волне, поднявшей не одну лодку, по некоторым правилам. И у кого в этом смысле более или менее адекватная биография, как говорят на погрявшем в санкциях Западе, *credentials*.

Всех в Ноев ковчег русского национализма не погрузишь, допускаются только члены профсоюза.

Нынешняя власть монопольна по своей природе, касается ли это экономики, бизнеса, политики или ментального контроля. Соответственно, терпеть конкуренцию и на поле русского национализма, и так уже густо засеянном, никто не собирается.

К тому же и в самом деле здесь важен контроль – соблюдение баланса взглядов и высказываний. Чтобы если они и приводили к действиям, то исключительно к управляемым. К тому же все чаще на идеологическом полигоне испытываются более умеренные образцы оружия: вместо национализма – «консерватизм», вместо Ивана Ильина – Николай Бердяев. Правда, взлетит ли такой «Тополь»?..

Протест бирюлевского типа идейно ближе нашим властям, но он все равно нежелателен в той же степени, что и «болотный» протест.

Конечно, присутствие «русской партии» в нынешнем истеблишменте гораздо более значительное и значимое, чем в родном ЦК КПСС. Но вот в чем схожи тогдашнее и сегодняшнее начальство – в попытках отсечения всего экстремального. Политика баланса – чтобы монопольно управляемую лодку не укачало – приводит к тому, что власть сама выбирает себе партнеров по национализму, национал-патриотизму, русской идее и политическому православию.

Боятся ведь вот еще чего: как те из националистов, которые побеспринципнее, пытались, как блоха на собаке, въехать во власть на пике демократического протеста, так и сейчас они же готовы двигаться в фарватере авангарда националистических сил. А самые пассионарные из них воюют сейчас на юго-востоке Украины.

И несмотря на присмотр приставленных «премьер-министров» ЛНР и ДНР, нет никаких доказательств того, что эти силы раскрепощенного национализма такие уж управляемые. А если они разочаруются в Путине, который покажется им недостаточно радикальным, и обратят свои штыки против него? Так рассуждают многие наблюдатели событий. И стараются сделать ситуацию управляемой хотя бы на территории метрополии.

Собственно, это один из важнейших вопросов современности: куда денется накопленная на юго-востоке Украины националистическая энергия, если война там закончится?

Собственно, ровно поэтому можно услышать и такие рассуждения: Путин не может уйти с юго-востока, единожды войдя туда. Там это могут счесть неправильным с точки зрения теперь уже не славянского, а русского братства шагом.

Словом, ко всем демонам и страхам сегодняшней власти наряду с золотушным интеллигентом, космополитом и грантоедом добавился еще один националист, вроде бы весь такой родной, такой похожий на ядерный путинский электорат, на нуклеус крымского большинства.

Но – не до конца управляемый националист. Себе на уме. И чрезвычайно политически амбициозный.

Страх становится главной движущей силой власти. Страх утраты контроля теперь уже над идейно близкими. Даже если они не могут составить конкуренцию, лучше перестраховаться: запретить и закрыть. И в этом смысле «Русский марш» должен идти не под мегафонные крики Тора, а исключительно под персональным контролем кремлевской машины организации массовых мероприятий.

Можно сказать вслед за Михаилом Гершензоном более чем столетней выдержки (сборник «Вехи»), что штыки власти вновь ограждают приличных граждан от «ярости народной», в том числе и с лицом националиста-погромщика.

Но во-первых, не очень-то и защищает нынешняя полиция: она под это заточена не лучше, чем городовые в годы кишиневских и одесских погромов. Во-вторых, если и защищает, то только саму себя, причем в лучшем случае самый верхушечный слой. В-третьих, чтобы проверить теорию «защиты-от-ярости-народной», надо провести хотя бы одни за долгие годы свободные выборы. Тогда-то и станет понятно, до какой степени будет опасен радикальный русский национализм и состоится ли его электоральная легитимация.

Еще недавно можно было бы сказать, что националисты в электоральном смысле, по крайней мере на федеральном уровне, маргиналы. Но теперь, разбудив Крымом и юго-востоком Украины националистических демонов в тех, кто даже не подозревал об их существовании в себе, российская власть будет еще больше бояться националистов.

То есть – своего, в сущности, успеха. Своей же собственной идеологии. Своего электората.

2014 г.

Духовные скрипы

На продукции компании Perla Penna, которая производит драгоценные смартфоны Caviar, изображена рыбка. Чем-то она напоминает другую рыбку, которую между третьей и четвертой рюмками хочется скovitнуть с бутылки «Белуги». Есть между ними какая-то неуловимая связь... Драгоценные смартфоны – «уже на iPhone 6!» – нынче несут на себе золотой медальный профиль первого лица российского государства, изготовленный вручную в 299 экземплярах: Fatto a mano in Italia da Elia Giacometti.

Маркетологи, работающие на ювелира Элиа Джакометти, мыслят парадоксально: «Бестселлер ювелирного дома, самый желанный и недоступный телефон». Как бестселлер стал бестселлером, да еще недоступным, не будучи толком проданным, – загадка.

Ну да это и неважно: ювелирный дом продает россиянам образ современной России – профиль президента, слова из гимна, герб, и все это в золоте. Гламурный патриотизм в стране господ, способных выложить за телефон 169 тысяч рублей.

Немного напоминает романы Виктора Пелевина времен расцвета его таланта. Еще немного – и вернутся малиновые пиджаки. А затем мы совершим тур-мистерию во времени, туда, где «на левой груди профиль Сталина, а на правой – Маринка в анфас».

Можно понять пресс-секретаря главы государства, который стал объяснять, что президент подобного рода коммерциализацию своего образа не одобряет: от такой продукции за несколько километров несет самыми олигархизированными и огламуренными уголками Рублево-Успенского шоссе.

А что делать – это плоды, созревающие на древе рейтингов, электорального и доверия.

За популярность надо платить – в данном случае в буквальном смысле: «телефонослители» отождествляют себя с героем, с его личными качествами. И тем самым становятся такими же твердыми и уверенными в завтрашнем дне. Кроме того, такого рода продукция порождает ощущение защищенности – кажется, что предмет, греющийся в кармане бедро, становится своего рода охранной грамотой. Будет что показать гаишнику на светофоре перед поворотом с Рублевки на Ильинское шоссе...

Слава продается. Человеческие свойства, сопутствующие герою, продаются. Костюм Бэтмена продается. Профиль, становящийся медальным, продается. Анфас – на майках – продается.

И что теперь пенять на предприимчивого сеньора Джакометти, по странному совпадению носящего столь перегруженную смыслами фамилию многочисленных Джакометти (Альберто, Аугусто, Бруно, Джованни) – художников, скульпторов, архитекторов: продается все, что покупается.

Художник-ювелир так видит Россию. А может, она такая и есть? Может, это и есть образ нашего желаемого завтра, над которым бились команды философов, экономистов и социологов? Завтра, которое уже наступило сегодня.

Продажа смыслов (или бессмыслицы) коммерциализировалась, в сущности, только недавно – с начала рыночных времен. Раньше ею тоже занимались, только в безденежной форме.

Три бородатых дядьки в профиль (в иные времена к ним присоединялся четвертый – усатый) продавали на улицах советских городов марксизм-ленинизм, то самое загадочное учение, которое «всесильно, потому что оно верно». Один из этих дядек – тоже узнаваемый бренд – в скульптурной форме указывал дорогу, куда надо. Сумрачный мужчина, про которого Фима Собак могла бы сказать: «Кажется, будут носить длинное и широкое», стоял посреди площади имени себя, а вокруг него образовывался чекистский Мальстрем вечного

кругового движения: так продавался образ безнадежного столоверчения коммунистического режима на одном месте.

А еще тем самым продавался страх.

Единообразие правильного детства продавалось с помощью октябрятских значков – нынче бы они составили часть сувенирной продукции футбольного клуба, если бы такой клуб «Красные дьяволята» существовал.

В общем, как положено: продается все, кроме знамени. Но и оно продается, только за очень большие деньги.

Примерно как продукция ювелирного дома Perla Penna, которую по загруженности государственной символикой и семантикой можно приравнять к знамени.

«Что в знамени тебе моем?» – мог бы задаться вопросом Элиа Джакометти, оформляя доставку 298-го по счету золотого смартфона по адресу какой-нибудь сегодняшней Фимы Собак с напрочь переделанным лицом из скромного поселка Жуковка.

Все на продажу! Все! Губернаторы, норовившие сфотографироваться с Путиным, – это ли не продажа себя избирателю? А коммунисты, использовавшие в агитации Сталина, – это ли не «продакт плейсмент» коммунистической идеи? Да и весь маркетинг донецко-луганской войны обеспечен подспудным или прямым использованием бренда «Путин». Надо ли говорить, что люди голосовали не за Захарченко, а за бренд «Путин», который в представлении людей стоял за ярлыком «Захарченко»? До медального профиля ему еще далеко.

Сталин возражал против культа собственной личности. Но ничего с этим поделать не мог – приходилось выслушивать здравицы и бурные продолжительные, переходящие в овацию. Пресс-секретарю президента трудно бороться с отливанием профиля начальника в золоте – что делать, у нас свободная страна, а уж Италия и подавно. Кто в чем хочет, в том и отливает.

Но вот мысль, что Джакометти угадал с духовным образом России в виде смартфона, обеспечивающего тактильный контакт с золотыми духовными скрепами, не оставляет. Можем называть такого рода предметы духовными скрипами – в честь звуков, заменяющих гудки соединения.

2014 г.

Trust, который лопнет

Казалось бы, все как всегда: «Мир, труд, май», «Ленин, партия, комсомол», «Маркс, Энгельс, Ленин», «Православие, самодержавие, народность», «Либерте, фрaternите, алиготе», наконец. То есть, по-нынешнему, триада «президент, церковь, армия» – три объекта наибольшего доверия населения. И так, согласно исследованиям Левада-центра, долгие годы.

И вот опять: президент «вполне заслуживает доверия» – 79 % респондентов (вместо 55 % в прошлом году). Церковь «вполне заслуживает доверия» – 54 % против 48 % год назад. Армия – 53 % вместо 43 %.

Рост показателей легко объясняется «новой нормальностью», то есть громовыми раскатами патриотизма и запуском петард во внутреннем дворе осажденной крепости, архитектурно напоминающей «Замок» Кафки. Получается, что доверие к базовым институтам растет по мере падения рубля и роста инфляции, что ж тут ненормального: своего рода «крест Путина», одна кривая вверх, другая вниз.

Но есть и новость: вслед за доверием к президенту-церкви-армии выросло и доверие ко всему остальному, что особым доверием не пользовалось. Большая волна подняла все лодки.

На 16 процентных пунктов вверх скакнуло правительство, скажем прямо, ничего особенного ради этого не предпринимавшее. Всего и делов-то – обсуждали круглый год, кого бы еще налогами обложить половчее, чтобы потом вернуть те же, но уже обесцененные деньги в виде майских указов президента. На казенных бюджетных харчах пошли в рост – аж гимнастерки потрескивают – органы безопасности (10 п.п.), Совет Федерации (15 п.п., а ведь казалось, что его уже никто не должен замечать), Госдума (на 12 п.п. – маловато будет!). Ну и конечно, краснознаменные СМИ, ведомые командармом Киселевым и ценными руководящими указаниями идеологического руководства из Ставки – на 12 %.

Самое смешное, что кроме местных властей действительно подросло вообще все: иной раз в пределах погрешности, но все же. Даже суд. Даже полиция.

Летят низенько, к дождю, но тенденция обнадеживающая. Даже политические партии, замыкающие турнирную таблицу доверия, забили в этом году больше голов – с 12 % поднялись до 18 %.

Доверие – категория в России, определяемая сверху. Например: «А товарищ Берия вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков». Потом товарищ Маленков выходит из доверия. И другие товарищи. Но – по указаниям сверху.

Есть такое истинно русское словосочетание: «Облеченный доверием». «Облекает» кто-то уважаемый, верхний человек. «Оправдать оказанное доверие» – со времен сталинских наркомов на их диалекте это означало выжить любой ценой.

Так и сегодняшнее население России: не имея возможности доверять в межличностных отношениях, в повседневной жизни, доверяя родственникам и ближнему кругу, средний россиянин начинает неистово поклоняться символическим институтам почти божественного происхождения.

Ибо президента он потрогать руками не может – ФСО не позволяет. (Не случайно граждане со скепсисом относятся к местным властям: уж они-то точно «реальность, данная нам в ощущениях».) Патриарх и так по должности получает «темники» от небесной канцелярии. Армия же успешно завершила маленькую победоносную войну за исконно русский полуостров Крым, колыбель кривичей и вятичей с раскосыми и жадными очами.

Чего же ей, армии, не доверять, и потому скакнули вверх показатели не только доверия Вооруженным силам – развернулись в обратную сторону ответы на традиционные вопросы «служить/не служить»: служить! Технология комплектования Вооруженных сил XIX века –

армия рекрутов – снова в почете. Что опять же нормально: архаизироваться, так под музыку военных оркестров.

А псковские десантники... Они погибли смертью храбрых. Только вот за что именно? И хотели бы респонденты такой смерти – не в борьбе за свободу своей родины, не против захватчиков – своим мальчикам? Эти вопросы гневно отбрасываются. Очень простым способом: не верю, что это вообще было.

Такое доверие – как пузырь на рынках. Само по себе пустое – trust, который лопнет. И испытывают его к пустышкам – муляжам. К армии «вообще», к церкви «вообще», к президенту «вообще», хоть и маркированному брендом «Путин».

«Доверие, – определяет это понятие Фрэнсис Фукуяма в книге «Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию», написанной два десятка лет тому назад, – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами».

И далее: «Социальный капитал – это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами».

Удивительный российский феномен: доверие, которое не является социальным капиталом.

Доверие от безнадёги, от короткой истерики и длящейся истерии. Доверие-равнодушие. Доверие-самообман. Доверие толпы к толпе – чтобы быть как все.

Нация доверяет своему прошлому. Не очень доверяет настоящему. Будущее для нее рисуется как полная невнятица. Горизонт планирования определяется шаманским угадыванием курса рубля и цены барреля нефти. Ну и следующим по счету айфоном, выкидываемым на рынок вероятным противником.

Единственные константы в таком массовом сознании – «Ленин, партия...» То есть нет – президент, церковь, армия.

2014 г.

Свободный коридор для фашистов

В августе 1939 года Альфредо Кинделан, бывший командующий военно-воздушными силами испанских националистов, тесно сотрудничавший с нацистским легионом «Кондор», с некоторым недоумением сказал Серрано Суньеру, фактическому второму лицу во франкистской политической иерархии и свояку самого каудильо: «Странно, что теперь мы с русскими – союзники».

Речь шла о пакте Молотова – Риббентропа.

Да, благодаря этому документу Сталин становился не только союзником гитлеровской Германии, но и франкистской Испании. А ведь с франкистами только-только закончили сражаться его солдаты, летчики, журналисты, которых он немедленно по возвращении в СССР принялся в индустриальных масштабах сажать и расстреливать. Мало того, Иосиф Виссарионович становился союзником Бенито Амилькаре Андреа Муссолини.

Владимир Путин, встретившись с Ангелой Меркель, сказал: «...когда Советский Союз понял, что его оставляют один на один с гитлеровской Германией, он предпринял шаги, направленные на то, чтобы не допустить прямого столкновения, и был подписан этот пакт Молотова – Риббентропа. В этом смысле я разделяю мнение нашего министра культуры о том, что смысл для обеспечения безопасности Советского Союза в этом пакте был».

Геостратегически с помощью пакта и секретных протоколов Сталин, вопреки мысли, высказанной президентом РФ в присутствии Kanzlerin, которая при этих словах едва справилась с лицом, не выигрывал ничего.

Время для лучшей подготовки к большой войне выигрывал не советский тиран, а Гитлер, получивший возможность с легкостью покончить с разделенной Польшей и сохранить живую (и не только) силу. Не говоря уже о том, что генералиссимус хотел построить на территории Польши «буфер», а получил общую границу с Гитлером, что тоже облегчало нацистам решение задачи глубины и скорости продвижения по территории СССР.

Трагедия Катыни – прямое следствие пакта. Будем менять отношение и к Катыни? Пытаться «понять» интересы «безопасности»?

Вообще Польша, если судить по словам Путина, – не субъект истории и политики, а какой-то объект «пилежа» между старшими товарищами. Может показаться странным, но у Польши в 1939-м существовали (равно как и в 2015 году тоже существуют) интересы «обеспечения безопасности».

Первые месяцы Великой Отечественной, известные как «катастрофа 1941 года», – результат неадаптивности Сталина, которую пытается объяснить Путин (почему-то вслед за великим стратегом земли русской и первым ее лейб-историком министром культуры Мединским).

О том, как Сталин относился к многочисленным достоверным донесениям о планах Гитлера начать войну против СССР, как он «исчез с радаров» в первые дни войны, как к нему явились соратники, а он решил, что они пришли его арестовывать за беспомощность и бездействие, – обо всем этом и напоминать-то неловко.

И тем не менее президент находит оправдания пакту – причем делает это второй раз.

Но одно дело рассуждать об этом сюжете, встречаясь с «молодыми историками», чьи научные репутации после той исторической же встречи оказались под большим вопросом, и совсем другое – сделать такое заявление при Меркель, которая нашла в себе такт и политическую мудрость приехать в Москву поздравить российский народ с Днем Победы и принести извинения за фашистскую Германию.

Может быть, и ее визави стоило в своем выступлении напомнить о тех страданиях, которые перенес российский народ, а также народы Украины, Кавказа, Крыма, СНГ и Балтии

в эпоху сталинского правления, о бесчисленных жертвах ГУЛАГа, о СМЕРШе, о том, что не берегли солдат, о стратегических ошибках, а не только лишь восхвалять Сталина, да еще в столь дипломатически деликатной ситуации?

Или стоило в эти дни напомнить первые и последние повинные слова генералиссимуса в его знаменитом тосте «За русский народ» 24 мая 1945 года – льстивом, с элементами непрошедшего испуга, который потом отольется фронтовикам, в том числе и в забвении Дня Победы, начиная с 1948 года: «Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства, и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии».

Летчик штурмовой авиации Александр Зиновьев, впоследствии знаменитый советский философ, в те дни по этому поводу написал крамольные стихи: «Ликованием вмиг переполнился зал... / А истерзанный русский народ / Умиления слезы с восторгом лизал, / Все грехи отпустив ему наперед».

Сталин до определенной степени боялся своего народа. Боялся, что он снесет его, и прежде всего за трагическую ошибку и роковое решение – пакт Молотова – Риббентропа.

Сталин твердо знал, что не он победил в войне, а вопреки ему в войне победил народ. И это знание заставило его быть еще более жестким к народу в послевоенное время. Народу, для которого война стала временем относительной свободы, спровоцировавшим иллюзии возможной либерализации режима после Победы.

Пакт и секретные протоколы к нему были для Сталина «коктейлем Молотова – Риббентропа», на котором тиран подорвался. И он начал сажать с удвоенной энергией, потому что мстил тем людям, кто спас его от позора, но и помнил его позор.

Одним из чисто военных следствий пакта и сопутствовавшего ему присоединения прибалтийских республик стало чрезвычайно быстрое продвижение немецко-фашистских войск на восток и северо-восток: то, что задумывалось Сталиным как «буфер», стало почти свободным коридором.

Не говоря уже о том, что в результате попытки «буферизации» Финляндии в 1939-м СССР опять же проиграл геостратегически: после объявления Германией войны Советскому Союзу финны начали так называемую «войну-продолжение». Не будь зимней кампании 1939-го, у Гитлера не было бы оснований 22 июня 1941 года заявить в своем радиообращении, что он борется с большевиками и на берегах Северного Ледовитого океана «в союзе (im Bunde) со своими финскими товарищами».

Эта скорость продвижения вермахта географически, политически, геостратегически была подготовлена именно пактом Молотова – Риббентропа и попытками «финляндизации» и большевизации Прибалтики. Блокада Ленинграда началась уже 8 сентября 1941-го, а в Ленинградской области немцы были в начале июля.

Сейчас многие привносят личное в размышления о Победе и войне. Так вот сестра моей бабушки (для определенных товарищей даже специально назову ее имя полностью – Генриетта Герасимовна Кац-Каган), безмерно дорогой и близкий мне человек, пережила блокаду, но потеряла двоих маленьких детей и мужа (попутно погиб на Курской дуге ее племянник, мой дядя, а муж ее сестры, то есть мой дед, умер в ГУЛАГе). Вот она считала, что между пактом Молотова – Риббентропа и блокадой Ленинграда есть прямая связь, и написала очень простые, но горькие и гневные стихи, запомнившиеся мне с детства. Они начинались со слов: «Ценою фактов, страшных фактов, пришлось узнать нам силу пактов».

Эту связь понимали и люди из окружения Франко, с которых мы начали наш рассказ о последствиях отечественного пактостроения. И даже сам Франко, который, как утверждали современники, особым умом не отличался. Он отдавал должное стратегической логике Гит-

лера, догадываясь еще в 1939 году, что тот начнет войну против СССР. Каудильо, сохранив вооруженный нейтралитет, послал на ту войну свою «голубую дивизию», присягнувшую, благодаря хитрости Суньера, не фюреру, а борьбе с коммунизмом. Division Azul тоже отличалась под Ленинградом...

2015 г.

Наука побеждать Америку

Русские пельмени гораздо лучше госдеповских печенек. При том что, по моему собственному опыту, нет в шумной столовке Госдепа никаких печенек. Только кляб-сэндвич, похожий на томик из четвертого издания собрания сочинений Ленина, какие-то полумертвые суши, вода типа водопроводной и мерзкий темно-бурый напиток в бумажном стакане, который терпеливый американский народ держит за кофе.

Думается, после такого спартанского меню замгоссекретаря США Виктория Нуланд наконец с облегчением по-человечески поела в компании посла США в России Джона Теффта русские пельмени со сметаной. Однако ее встреча на следующий день в российском МИДе не совершила «пельменной революции» в отношениях России и Соединенных Штатов.

Замминистра Сергей Рябков по итогам встречи с Нуланд констатировал: «Проведена сверка часов. В целом ситуация в двусторонних отношениях удручающая, и мы считаем, что ответственность за это на Вашингтоне».

Хотя, судя по всему, работа по давлению на зоны влияния проводится, во всяком случае, до прибытия в Москву Петр Порошенко пообещал Виктории Нуланд не возобновлять боевые действия в Донбассе. Теперь российская сторона должна повлиять на донецких и луганских «партнеров». Не об этом ли договорились Джон Керри и Владимир Путин, утомленные гибридной войной?

Но: ladies first. Как сказал замминистра иностранных дел Григорий Карасин: «Все это нуждается в проверке жизнью. Пока складывается впечатление, что подготовка к подобного рода действиям (боевым. – А.К.) там (в Киеве. – А.К.) идет».

Судя по российской логике, сначала Киев должен умерить агрессивность, а уже потом ее градус на востоке Украины будет снижать российская сторона. Если, конечно, исходить из презумпции ее способности администрировать действия Захарченко А.В. и других товарищей.

Непросто вернуть российско-американские отношения хотя бы в прагматическое русло или в режим дружеского пожатия рук. Но это еще полбеды. Российская государственная пропаганда явно переусердствовала в рисовании устрашающего образа дядюшки Сэма и переплюнула в этом деле Бориса Ефимова, Кукрыниксов и Бидструпа.

Исторические максимумы в негативном отношении населения России к США – только начало истории. Далее следует подготовка, по крайней мере ментальная, к войне с Америкой.

59 % («определенно да» плюс «скорее да») респондентов Левада-центра считают, что США представляют угрозу для России. «Угроза» – понятие растяжимое. Рост по сравнению с предыдущим опросом 2007 года дают две опции – угроза в создании препятствий на пути развития России (абстрактное понятие) и «возможность военного вторжения, оккупации». Последний вариант дал рост на 10 пунктов, с 21 до 31 %.

Это очень серьезные цифры, свидетельствующие и о милитаризации сознания, и о страхе перед войной как таковой, и о готовности к ней, и о диких представлениях о США, и об оценке Украины как очевидного сателлита Америки, «оккупированной» стране, ведущей войну с юго-восточными повстанцами, а значит, с Россией.

Симптоматично, что по мере вставания с колен, подавления «пятой колонны», роста уверенности в державном величии и всеобщей консолидации ушли страхи, связанные с другими опциями угрозы со стороны США. С экономическим и политическим доминированием (ибо у нас теперь, считай, импортозамещенный суверенитет) и навязыванием ценностей (некому навязывать, все нормальные люди – в православно-чекистском мейнстриме).

Сохранились еще остатки советского, подстриженного, как английский газон, школьными политинформациями справедливого представления об обоюдной разрушительной мощи войны двух сверхдержав (при допущении, весьма ныне распространенном, что Россия – сверхдержава вроде СССР): 55 % согласны с тем, что победителей в войне РФ и США не будет.

Но 33 % против 5 % уверены, что в войне победит Россия. Вероятно, без единого выстрела, как в случае с Крымом. Или в результате быстрого марш-броска, как в случае с Грузией.

Огромные военные расходы между 3 и 4 % ВВП, помноженные на рецессию, скоро ввергнут экономику России в настоящий кризис, который даже наконец заметит население. Тем не менее в рамках дальнейшей анестезии среднему россиянину показали танк «Армата» (\$8 млн – хоть на Рублевку отправляй за такую цену).

Среднестатистический россиянин по-прежнему пытается воевать, управляя пультом от телевизора. И этот телевизор научил его «науке побеждать» Америку.

И не догадывается он, что наши бескрайние просторы даром не дали этой Америке, а наша заполошная воинственность доставляет ей исключительно головную боль. Причем ничем не снимаемую. Даже пельменями, которыми господин Теффт разминал госпожу Нуланд перед непростой встречей с железными замами министра иностранных дел.

Тот же опрос Левада-центра показывает, что россияне боятся на самом деле не США, а своего президента. О чем, возможно, и сами не подозревают.

32 % респондентов верят в то, что в случае боевых действий Путин может дать приказ использовать ядерное оружие (почти столько же, что характерно, сколько граждан уверены в победе в такой войне и сколько ожидают «оккупации» со стороны США). Примерно треть испытала страх от заявления президента о возможности использования ядерного оружия.

Что ж, наша власть, пугая супостата, напугала свой народ. Будем «бомбить Воронеж» назло Обаме.

2015 г.

Единство в однообразии

На чем завершается Родина

«Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы считается фальстартом – статья 1989 года, а затем одноименная книга 1992-го, вдохновленные победой либеральной демократии в существенном числе стран мира и падением коммунизма, оказались, по общему мнению, чрезмерно оптимистичными. Зато самый настоящий конец истории таки состоялся в России: министр культуры Владимир Мединский объявил, что единый учебник истории должен заканчиваться приходом Владимира Путина к власти – выборами 2000 года. Дальше история заканчивается.

Начинается рай земной, который и описать-то невозможно обычными средствами – только методами телевизионной пропаганды. Жизнь после конца, своего рода загробная. И бесконечно счастливая. «Когда я говорю о современной России, мне кажется самым правильным со всех точек зрения поставить точку на 2000 году, на вступлении в должность президента. Все что дальше – современность. Это снимает массу вопросов, связанных с персоналиями в том числе», – поделился своим открытием министр культуры.

Конечно, это снимает любые вопросы. Например, вопрос о возвращении в 2001 году советского гимна, которое породило забытый ныне анекдот: звонят Путину из «Кока-колы» и говорят: «Владимир Владимирович, а нельзя ли вернуть советский флаг и разместить на нем символику нашей компании? Миллиард долларов». – «Да вы что – кто же такими вещами торгует?!» – «Пятьдесят миллиардов». – «Это кошунство!» – «Триллион!» – «Одну минуточку». Путин звонит Александру Волошину: «Александр Стальевич, когда у нас контракт с “Аква фреш” на флаг заканчивается?». Словом, продается все, кроме знамени. Но за хорошую цену и знамя тоже. Это главное свойство российской истории, в том числе после 2000 года, когда она наконец уже счастливо закончилась. Есть еще ряд вопросов не для учебника.

«Норд-Ост», 2002 год. Арест Михаила Ходорковского, 2003-й. Беслан, 2004-й. Операция «Преемник» с выборами думскими 2007-го и президентскими 2008-го. Соблазн медведовской модернизации. Операция «Третий срок». Протестное движение. Ну и всякие мелочи вроде силовиков, распиливающих уже однажды поделенную собственность. Причуды внешней политики, начавшиеся с мюнхенской речи. Сырьевое проклятье. Восстановительный рост экономики начала нулевых, приписанный Путиным к нескончаемому потоку своих достижений. Рецессия, которую можно смело записывать в заслугу Путину. Годы 2012—2013-й со всеми их законами Димы Яковлева, о митингах, об НКО, о защите чувств верующих, процессом Pussy Riot, странностями Следственного комитета, с первыми политическими эмигрантами с мировыми именами.

Вопросы, требующие рефлексии и собственного мнения. Вопросы, которые не затолкать в узкое горлышко единого учебника, который готовится в логике «учение Маркса все-сильно, потому что оно верно». Вопросы, на многие из которых нет ответа, например, в той части, которая касается поведения властей во время террористических актов. Словом, история не заканчивается в 2000 году. Она только начинается.

И потом это некорректно: получается, что Путин – продукт 1990-х, в полной мере подготовивших его приход. А ведь они у нас по сию пору официально считаются «лихими». Что могут подумывать о Путине дети?

Но это еще не все. Министр образования и науки Дмитрий Ливанов заявил: «Я слышал предложения о создании единого учебника по литературе. Мы внимательно изучаем

эти возможности... Если в этом будет необходимость, можно рассмотреть создание единых учебников по другим предметам». Не зря про Ливанова инсайдеры говорят, что он из тех, кто следует формуле «Шаг вперед, два шага назад». Меры, принимаемые им по осовремениванию образования и науки, никак, ну просто никак не бьются с подобного рода заявлениями.

Каким может быть единый учебник литературы? Таким же, как и единый учебник истории. Идеологизированным. Адаптированным под, деликатно скажем, экстравагантные представления о прекрасном нынешней власти. Идущим навстречу пожеланиям православной общественности. Строго говоря, лучше ограничить временные рамки такого учебника 1910-м, уходом Льва Толстого из Ясной Поляны. А лучше и этот факт не вспоминать – чтобы РПЦ не обидеть.

С биологией тоже не все может оказаться просто. А прав ли был Дарвин в свете последних законов, принятых Думой? А с физикой? Разве может существовать единый учебник физики без теологических постулатов? В общем – «все в руце божией». Или, как говорил Никита Пряхин, «как пожелаем, так и сделаем».

Закончим историю в 2000-м, литературу в 1910-м, в биологии отменим Дарвина и физику оснастим божьим промыслом.

И немедля заживем долго и счастливо. Причем вне истории. Ибо история – это все предрассудки, придуманные, чтобы уязвить Россию, лишив ее навеки суверенитета. Кажется, при таком подходе у России нет не только прошлого, но и будущего. Главное же, что у нее с такой властью нет настоящего. Природу этого явления и Фукуяма не смог бы объяснить.

2013 г.

Единство в однообразии

Согласно результатам свежего исследования ФОМ, 70 % опрошенных считают, что школьников надо учить истории по единому учебнику. Да и изучать надо все больше историю России: «Что нам Америка?», «О советской власти надо правду говорить», «Ленина забыли», «Даже про Великую Отечественную войну говорят, что победила Америка».

Господи, ну кто же говорит, когда кругом сплошное «Пусть говорят»?

Руководство страны, точнее, лично сам Владимир Путин, как точнейший барометр, чувствует, что большинству надо. Потому что его представления о действительности – народные. Вот как была принцесса Диана, по определению спичрайтеров Тони Блэра, народной принцессой, так и президент – «народный принц». Гимн вернул в 2001 году, успокоил нервы населению – вернет и единую историю в 2013-м, чтобы спокойнее жилось.

Причем все равно какую – лишь бы единую. То есть лучше, конечно, советскую. Но не все так просто: только 1 % хочет, чтобы преподавали строго как раньше, в советскую эру. Главное, чтобы не отнимали славное прошлое – а оно может быть только славным, пусть и с Лениным во главе, дай бог ему здоровьчка. А там трактуйте как хотите – только не путайте.

Поэтому 25 % считают, что руководство страны должно влиять на содержание учебника. Как начальство скажет – так оно и будет. Скажет: Сталин – кровавый палач? Не вопрос. Скажет: эффективный менеджер? Да как угодно, лишь бы был здоров и жила бы страна родная.

Нужен один архетип, один императив, один железный образ. Как, например, в замечательном михалковском фильме «Пять вечеров» говорит героиня Гурченко: «Лишь бы не было войны». Все остальное не имеет значения. Сейчас пытаются придумать такую же универсальную формулу, которая спишет все, и никак не могут. Потому и празднуют с неистовой силой годовщины Победы, подпитываясь из последних сил ее харизмой. Но ведь надо же найти что-то новенькое.

Ищут вслепую. Подносят к глазам населения гламур нового фильма «Сталинград» – Голливуд идет второй раз на помощь в российской истории. Первый – в 1930-е годы, «в старой сказке говорится про волшебные дела...» Теперь у нас волшебные дела в профанированной истории советского спорта: Валерия Харламова уже опошлили в новом кино нового большого стиля – ждем Льва Яшина. Других героев нет. Как сказал один опрошенный ФОМом персонаж, мол, днем с огнем не сыщешь портрета Гагарина в школьном учебнике. Как будто он его смотрел, этот учебник.

А так ощущение передано верно: щупаешь сослепу рукой – где Гагарин? Есть? Ну слава богу, так жить спокойнее. Лишь бы был Гагарин...

Нужна одна точка зрения на историческую фигуру, на историческое событие или разные? Да, разные, отвечают 56 % респондентов. Но 25 % – блокирующий пакет! – говорят: шалишь – одна точка зрения. Вот интересно, если им насильственно будут навязывать точку зрения по поводу того, что Сталин – кровавый палач, ответственный в том числе за фатальное отставание России, они ее воспримут? Ведь явно единая точка зрения сводится к противоположной позиции. Притом, что она уже стала вполне себе «единой» на федеральных телеканалах. Допустим, если за прославление Сталина будут сажать в лагерь года на два, ну как участниц Pussy Riot, например, будет ли это воспринято как должное? А чем оскорбление памяти миллионов невинных жертв сталинского ГУЛАГа деликатнее оскорбления чувств верующих?

Чему нас учат семья и школа? Семья нас учит неизвестно чему. Школа учит истории: 75 % говорят о том, что их знания об истории почерпнуты в школе. Вполне очевидно, что это некоторое заблуждение. Даже среднестатистический россиянин в лице всенародно избран-

ного почерпнул немало знаний из фильмов про шпионов, а теперь, к примеру, считает финскую войну справедливой.

Так и нынешние дети, если они хотя бы краем глаза видят телевизор, способны проникнуться не советским, а каким-то извращенным патриотизмом, замешанным на антиамериканизме, конспирологии и дикости. Уж лучше позднесоветская система российского исторического образования, чем такая, честное слово!

А с теми, кто составляет «стандарт», лично у меня более глубокие, чем стилистические, разногласия. Я-то вот, например, считаю героями России Синявского и Даниэля, семейных (точнее, восьмерых, будем придерживаться исторической правды) смелых, вышедших на площадь 25 августа 1968 года, тех, кто начал перестройку, кто провел либеральные экономические реформы начала 1990-х годов. Будет ли об этом написано в едином учебнике? Уверен, что нет. Они ж страну развалили, хотя все уже было разрушено до них.

Так что у нас разные истории России.

Не проще ли тогда взять да и опубликовать единую историю КПСС? Все лучше, чем представления об истории тех, кто сидит сегодня в Кремле и на Старой площади. И даже тех, кто отвечает на вопросы социологов, что руководство страны должно определять содержание учебника.

2013 г.

Уповаая на Бога и его наместника

Настоятель Казанского собора протоиерей Вячеслав Жебелев облетел Волгоград на вертолете с мироточивой Семистрельной иконой Пресвятой Богородицы «Умягчение злых сердец». Владимир Путин лично проверил все объекты Олимпиады, примерил курточку волонтера, опробовал уже несчастливый для российской хоккейной сборной лед, тем самым, судя по всему, освятив его. Президент подписал закон об уголовной ответственности за сепаратистские призывы (без четкого правового определения, что это такое). Ряд депутатов Государственной думы потребовали отмены моратория на смертную казнь.

Как справедливо заметил Виктор Шендерович, надо облететь на вертолете с иконой всю страну пару раз – и все будет хорошо. Уповаем на высшую силу в двух ипостасях – божественную и наместника Бога на земле. Кстати, надвратная икона над Спасскими воротами Кремля – из той же оперы: она должна защитить правителей от народа и прочих форс-мажорных обстоятельств. Этакая профессиональная икона ФСО. Вторая опция – наместник Бога на земле – еще называется ручным управлением. Уповать можно, кроме того, на жестокие наказания.

Средневековые в чистом виде.

Почему так? Потому что ничего больше не работает. Это называется управленческий кризис. Институтов нет – есть персонализированные решения. А они принимаются либо вождем, либо Богом. И подкрепляются репрессиями. Ручное управление и репрессии – единственные оставшиеся в живых два института.

Еще одно свойство такой системы – тонкая и с трудом расшифровываемая вязь символов и намеков.

Почему в ходе своей сочинской инспекции – «освящения» олимпийских объектов – Владимир Путин вышел на лед под номером 11, а не 1? Потому что не вратарь, а нападающий? Так нет же – Александр Лукашенко грузно выкатился на ледовую арену под номером 1. Значит, «батька» главнее всех на постсоветском пространстве «исторической Руси»? Или это такая служба спасения – Лукашенко-Путин, набирать номер 1-11? Можно еще предположить, что президент, будучи по происхождению чекистом, а значит, членом спортивного общества «Динамо», воспользовался выведенным из обращения 11-м номером Александра Мальцева, тем самым присвоив себе на площадке его легендарную харизму и магическую силу... В общем, это такая же метафорика власти, как и расположение членов Политбюро на мавзолее. Только толку от нее практического – никакого: сама система от этой логистической и цифровой магии эффективнее не становится.

Непременная черта подобного рода систем – одновременно комплекс неполноценности по отношению к Западу и чувство превосходства над ним.

Поэтому сначала мы принимаем средневековый антигейский закон, а потом, разрывая шаблон, разрешаем манифестации в Сочи. Все для Запада, все ради Запада. Не зря говорят, что относительная мягкость политики Кремля со всей простотой как портянка игрой в амнистии и помилования – это все до Олимпиады, а вот настоящая «славная охота» начнется после нее.

В такой системе островки квазимодернизации возможны лишь как исключения из правил. Собственно, те же олимпийские объекты и инфраструктура – и есть такое исключение из правил, пускающее пыль в глаза и высасывающее колоссальные финансовые ресурсы. Ровно так относились к Западу, иностранцам и вообще всему иностранному в Советском Союзе. Ровно в этой логике в России XXI века существует такое трудноопределимое и ускользающее от правовой и общечеловеческой оценки понятие, как «иностранные агенты». Почему бы и в самом деле в стране, где есть «иностранные агенты», не решать все проблемы

с помощью чудотворных икон, смертной казни и катания на коньках первого лица в государстве?

...Во дворце Долмабахче в Стамбуле есть потрясающие часы – они одновременно выполняют функции термометра, барометра и календаря. Это подарок наместника в Египте одному из султанов.

Как замечает английский историк Найал Фергюсон в книге «Цивилизация. Запад и остальной мир», часы «выглядят как шедевр восточных технологий, если не учитывать одну маленькую деталь: они изготовлены в Австрии, Вильгельмом Киршем.

Часы Кирша превосходным образом иллюстрируют ту мысль, что простой импорт западных технологий (Фергюсон имеет в виду еще и социальные, и политические технологии, а не только технику. – *А.К.*) не был способен заменить самостоятельную модернизацию Османской империи».

Собственно, любая империя закатывалась, когда теряла способность конкурировать с внешним миром, когда упование на волю всевышнего (какой бы «национальности» он ни был) заменяло собственные усилия и импульсы к развитию. Советской империи, которая до сих пор разваливается в головах правителей и населения России, это касается не в меньшей степени, чем империи Османской.

2013 г.

Право на Россию

Пост Леонида Бершидского, в котором он сообщил об отъезде в Берлин ввиду невозможности осуществления профессиональных компетенций в современной России и ввел новый термин «эмиграция разочарования», естественным образом спровоцировал неравнодушных пользователей сети на многочисленные агрессивные отклики.

Но разговор следует вести о сути проблемы, а не об эмоциях. О сути превосходно высказалась Зоя Светова из The New Times, определив контрпозицию: «Я – категорически против этой героизации отъезда: вот мы такие замечательные, мы больше здесь не можем, вернемся потом, когда Россия станет Европой».

Кто прав? В сущности, все правы по-своему.

Начнем с того, что Бершидский аптекарски точен в описании ощущений «вменяемого» (термин введен в первой половине 1990-х годов тогда еще ультралиберальным журналистом Михаилом Леонтьевым) представителя современной интеллигенции, попавшего в эпицентр псевдопатриотического смерча.

Эти ощущения описываются словом «омерзение».

Сразу следует оговориться, что термин «интеллигенция» употреблен условно: современная российская социальная мысль обозначает продвинутую постсоветскую образованную городскую либерально настроенную страту как креативный класс, что решительно не соответствует семантике этого понятия, введенного Ричардом Флоридой много лет назад. Попав на российскую почву, эта категория стала ругательной, политизированной и опошленной.

Невозможность профессиональной самореализации и естественное для рефлексирующего индивида нежелание жить в рамках, законодательно и идеологически задаваемых персонажами типа Мединского, Яровой, Лугового, провоцируют человека с нормально организованной сигнальной системой на отъезд. Не путать с отказом от родины. Опять же следует уточнить семантическое наполнение термина «невозможность профессиональной самореализации» – здесь я воспользуюсь безукоризненным, с моей точки зрения, и даже, в сущности, глубоко научным высказыванием другого моего коллеги, Виталия Портникова.

«Журналист, – говорил он, – бывает исключительно либеральным. Иначе он не журналист».

Практика последних лет убедительнейшим образом свидетельствует о правоте коллеги: нелиберальные журналисты – представители специальности, обслуживающей власть, а не общество. Причем в том виде, в каком смысл и содержание публичного «журналистского» высказывания формулируется идеологическими работниками, часто за не облагаемые налогом деньги. Такое ремесло может называться как угодно, только не журналистикой.

Итак, мы имеем на выходе вполне ясные причины и поводы для отъезда в Берлин (Париж, Лондон, Прагу – нужно подчеркнуть или вписать).

Причем до инаугурации Путина в мае 2012 года на сам факт перемещения в пространстве журналиста никто бы не обратил внимания.

Сейчас переезд человека, абсолютно естественный для современного мира, из одной страны в другую просто для проживания в ней – без отказа от языка и связи с родиной – считается или сдачей позиций, или предательством России (в зависимости от политических взглядов).

Это свидетельствует об одном: в современной России человеку отказано в праве на частную жизнь, личное мнение, профессиональную деятельность. Либо ты непременно должен бороться с кровавым режимом и попасть в какой-нибудь престижный список «врагов России» или даже в тюрьму, либо обязан присягать на верность Мединскому с Яровой и

Луговым, вешая на себя желтую звезду «Иностранный агент», сдаваясь властям при наличии второго гражданства и добровольно отправляясь в завшивленный окоп, на котором красуется вывеска: «Осажденная крепость – не влезай, убьет».

Трюизм: обычно любить родину на свой лад учат люди, которые сами по себе «космополиты безродные». Граф Уваров думал по-французски, да и проект «православия-самодержавия-народности» написан по-французски. Что делается с недвижимостью за рубежом у нынешних учителей жизни, и говорить как-то неловко. Пусть найдут у себя хотя бы один механизм или гаджет и на себе хотя бы одну тряпочку отечественного происхождения, тогда и поговорим.

Еще один трюизм, который важно повторить: не бывает нормативной любви к родине. У каждого свои причины ее любить.

И уж точно поводом для этой любви не может быть Крым. (Большой патриот советской родины композитор Исаак Дунаевский в самые глухие сталинские годы писал одной своей корреспондентке о том, что Крыма в аутентичном значении не существует, только потому, что из него, по сути, исчезла крымско-татарская культура.)

Навязывание именно нормативной любви к родине – одна из причин эмиграции.

«Эмиграция разочарования» существует. Это массовое явление, охватывающее не только интеллигентские слои. В ней есть составляющие всех прошлых волн эмиграции, от диссидентской до «колбасной». Но Бершидский нашел для нового феномена очень точное название. Это добровольное погружение наряду с «добровольно-принудительным», как в случае экономиста Сергея Гуриева, на «философский пароход».

Нравится кому-то позиция автора нового термина или не нравится, нравится ли он сам – неважно. То, что он сделал в профессии, провоцирует сожаление по поводу его отъезда. Сам факт, что человек его квалификации сегодняшней России не нужен, даже нежелателен, очевиден. Как очевидно и то, что работать на благо российского читателя можно и дистанционно.

Корень проблемы в другом: сама атмосфера сегодняшней России выталкивает из активной жизни и часто за пределы родины талантливых и нужных стране людей.

Впрочем, это опять трюизм. Эмиграция банальна. Как невыразимо банальны, скучны и вторичны идеология и практика сегодняшней власти, ученически подражающей худшим проявлениям совка. Одни теперь будут истерить, требуя крови «космополитов безродных» (собственно, уже истерят и даже облачают истерику в законодательные, но антиконституционные формы, чего, разумеется, никогда в жизни не заметит Конституционный суд в нынешнем его составе), другие опять будут иронизировать на кухнях по поводу того, что «тушкой или чучелком, но надо ехать».

Власть сегодня приватизирует (или национализует в пользу узкой группы лиц и их инфраструктурной obsługi) право на любовь к родине, право на патриотизм. Но патриотизм тоже состоит из частного, которое в определенные моменты становится общим. Из истории семьи, например. Кому-то проще гонять на джипе с приклеенной георгиевской ленточкой, слоганом «Спасибо деду за победу» и ревущим из открытых окон радио «Шансон». А кого-то, например меня, тошнит от такого эксгибиционизма и иллюстрирования классических работ по психологии толпы.

Мой дед сгнил в лагере в Коми АССР в 1946 году. А дядя погиб 19-летним мальчишкой на Курской дуге в 1943-м. Оба, что характерно, по национальности были теми самыми «космополитами безродными». Именно отсюда растет мой патриотизм. Личный. Частный. Сокровенный. Спекулировать на нем и приватизировать его никто не имеет права. Даже персонально верховный главнокомандующий.

И сам я отсюда не уеду, хотя давно совершил внутреннюю эмиграцию, такую же «эмиграцию разочарования», только не в Берлин, а внутрь себя. Место не имеет значения. Россия – моя страна. А не тех, кто учит меня любить мою же родину.

2014 г.

История России удалась

Пути пропагандистские вполне исповедимы. Как в некоторых экономических математических моделях, не вполне, правда, реалистичных, итоговый эффект равен затраченным инвестициям, так и в пропагандистской сфере затраты на обработку мозгов дают четко предсказуемый результат: общественное мнение начинает воспринимать реальность в искаженном виде.

Симптоматична в этом смысле оценка итогов Великой Отечественной – самого главного события в нашей истории, которое определяет почти все в массовых представлениях россиян.

Пропаганда как раз и приводит к тому, против чего якобы борется наше начальство, – к фальсифицированной истории. И фальсифицированному ее восприятию.

Как и было сказано, *perception is reality* – восприятие есть реальность. Потому не сами факты, а ущербные представления о них становятся реальностью.

Лишь массовой антизападной пропагандой, продуцирующей отнюдь не знания и даже не мифы, а ощущения, можно объяснить тот факт, что, согласно исследованию Левада-центра, число респондентов, считающих Великобританию союзником СССР в годы войны, снизилось с 63 % в 2005 году до 55 % в 2014-м. По Соединенным Штатам схожие цифры: с 65 до 51 %. США считали в 2005-м противниками 2 % опрошенных, сейчас – 8 %.

Если они нам сегодня не союзники, а враги, раздувающие и оплачивающие оранжевый пожар на Украине, как же они могли быть нашими союзниками в Великую Отечественную?

Здесь, пожалуй, никакой единый учебник не поможет исправить ситуацию. Или там будет сказано, что США с Великобританией были хоть и не противниками, но и не союзниками в собственном смысле слова?

В сегодняшней российской «оси зла» достойное место занимает Польша. Причем позиции ее, судя по этому социологическому исследованию, стали еще более прочными. В том же 2005-м противником ее считали 3 % респондентов, в этом году – целых 7 %. Правильно, не просто же так товарищ Сталин расстреливал поляков в Катыни. Значит, было за что.

На 9 процентных пунктов уменьшилось число полагающих, что основная заслуга в победе в Великой Отечественной принадлежит народу, с 62 % в 2010-м до 53 % в этом году. Но это не означает, что выросла роль Сталина, чей знаменитый льстивый тост за русский народ, наверное, стоило бы регулярно зачитывать сомневающимся в народных заслугах (тем более что он выделял именно русский народ из общей массы народов Советского Союза).

Рост (с 23 до 37 % за тот же период) дала позиция, согласно которой победили все вместе – и народ, и Сталин, и Коммунистическая партия с руководством СССР. Вполне соответствует концепции «консолидации», навязываемой сегодня трудящимся сверху.

Но вот самые впечатляющие изменения в сознании (и знании, к сожалению, тоже – в данном случае знание уж точно определяет сознание) зафиксированы следующим вопросом: «На ком, по вашему мнению, лежит основная ответственность за наши многомиллионные потери в этой войне?» Ответ «На Сталине» дает падение на 13 пунктов с 2010 года – с 30 % (генералиссимус был тогда заслуженно первым в списке виноватых) до 17 % в 2014-м.

Ответ «На Коммунистической партии и руководстве СССР» – с 20 до 12 %. Виноват теперь в потерях только «наш враг» – с 28 до 51 % рост: разница в 23 пункта достигнута за четыре года.

Очень быстрые и «качественные» перемены в сознании. На пустом месте они не происходят. Думается, украинский кризис с его «бандеровцами» добавил эффективности государственной пропаганде всего хорошего против всего плохого.

Хотя во втором десятилетии ХХI века, казалось бы, даже простой обыватель, вооруженный пивом и чипсами, должен кое-что знать о Молотове – Риббентропе, о хаосе и потерях 1941 года, ответственность за которые даже в годы бархатной реабилитации Иосифа Сталина возлагали все-таки именно на генералиссимуса, о том, как советские военачальники не жалели «пушечного мяса», о том, наконец, что потери в годы войны – это и погибшие в ГУЛАГе, и недоиспользованный из-за ГУЛАГа человеческий и военный потенциал, это и уничтожение собственного народа героическими товарищами из СМЕРШа и НКВД.

(Кстати, известное сравнение СМЕРШа с СС даже меркнет по сравнению с шуткой драматурга и сценариста Николая Эрдмана, которого после отсидки, к его собственному изумлению, пригласили поработать в ансамбле песни и пляски НКВД. Он согласился, но попутно в узком кругу заметил, что звучит название нового места работы экстравагантно: как ансамбль песни и пляски гестапо.)

Результаты опроса свидетельствуют о закреплении в массовом сознании психологии осажденной крепости: враги – на Западе, опора – на собственные силы.

Эти идеологемы естественным образом экстраполируются и на представления о мировой и отечественной истории. Именно представления – поскольку о собственно знании истории при законах, принимаемых г-жой Яровой и ее товарищами, судя по всему, придется надолго забыть: оно мешает эффективно управлять страной.

2014 г.

Все ради вас

Стоит какому-либо вопросу присвоить статус особой важности под рубрикой «Национальная безопасность» или «Суверенитет», как его прохождению дается зеленый свет. Возьмем для примера продовольственные санкции системы «селфи» (в смысле против самих себя). Это, объясняют нам, делается в интересах продовольственной безопасности и продовольственного суверенитета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.